

ОТЗЫВ

официального оппонента, кандидата архитектуры, доцента

Капустина Петра Владимировича

на диссертацию Журавлева Михаила Юрьевича

"Фактор времени в архитектурном творчестве",

представленную на соискание ученой степени кандидата архитектуры по специальности 05.23.20 – Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия

На рассмотрение представлены автореферат диссертации и диссертационное исследование, оформленное в двух томах. Первый том диссертации содержит 147 страниц машинописного текста, включающего введение, три главы, заключение и библиографию и ссылки на источники (208 наименований). Второй том - иллюстративный (71 страница), содержит графоаналитические таблицы (58 таблиц), а также список публикаций автора по теме диссертации (15 наименований).

Актуальность темы диссертационной работы обусловлена значимостью проблематики времени в современном архитектурном теоретическом, педагогическом и критическом дискурсе. Различные аспекты проблематики времени неизбежно присутствуют буквально в каждой работе об архитектуре, архитектурном проектировании, среде, творчестве; они ощутимы в восприятии памятников и средовых феноменов, скрыто или явно ощутимы в произведениях архитектуры, причём тенденция к их явному и концептуальному влиянию на принятие проектных решений в последние годы усиливается. Вместе с тем, фундированные представления о времени в архитектуре до сих пор находятся в большом дефиците. "Время", как и многое другое в профессиональном архитектурном лексиконе (среда, пространство, масса, функция, форма и пр.) используется по большей мере метафорически, понимается интуитивно и чувственно - что само по себе совсем не плохо, но уже, очевидно, начинает создавать определённые затруднения, тормозит развитие некоторых видов описания архитектуры, её анализа, исторических исследований и реконструкций авторского замысла, презентаций идей и проектов, организационно-управленческих новаций, дидактических форм в архитектурном образовании. Поэтому, заявленная М.Ю. Журавлевым **цель исследования** - "составить научное представление о времени как факторе архитектурного творчества и роли этой категории в архитектуре" (с. 2 автореферата; с. 4 диссертации, Т.1) представляется своевременной и обоснованной.

Задачи исследования, поставленные автором, дают содержательную развёртку стратегии достижения указанной цели и могут быть признаны достаточно полными по составу и точными по формулировкам. Однако они, как и **предмет исследования**, по мнению оппонента, содержат в себе установку, оказавшую на всё исследование не вполне благотворное

1 *вк. №709 от 23.03.2017г*

воздействие, а именно - содержат тенденцию к чрезмерному расширению задач и предмета исследования. В целом же, определения объекта, предмета, материала и границ исследования дают верное представление о работе и удачно характеризуют его теоретическую направленность.

Структура работы отражает последовательность обсуждения актуализируемого содержания и логику решения поставленных задач.

В **первой главе** рассмотрен статус времени в архитектуре, как он ставится и обсуждается в различных формах теоретического, философского и др. осмысления архитектуры. Предложены представления о морфологии и функции времени, даны модели структурирования времени. Делается вывод о диахроническом, синхроническом и синархическом аспектах связей в сложных многоуровневых архитектурных системах, детерминированных феноменом времени. Сделанные выводы позволили автору обозначить ряд направлений дальнейшего развёртывания исследования для решения поставленных задач "рассмотрения аспектов архитектурного творчества на предмет реализации фактора времени" - историческое, нормативно-организационное, направления анализа процессов творчества и процессов восприятия архитектуры и др.

Во **второй главе** рассмотрен исторический аспект фактора времени - один из наиболее значимых для архитектуры и её культурного и социального функционирования. На материале большого числа памятников архитектуры анализируются процессы сохранения и трансляции информации, интерпретированные как одна из центральных функций архитектуры - обеспечение ею культурной памяти и, тем самым, освоения крупнейшего массива представлений о времени. Анализируются темпоральные характеристики восприятия архитектуры. Рассмотрен перспективный вектор времени, названный в работе прогностическим. Автор делает вывод: "Сохранение, восприятие и прогнозирование представляют собой отрасли архитектурного знания, напрямую связанные с фактором времени. Актуализируя, соответственно, прошлое, настоящее и будущее, они составляют ориентирующий интрасубъектный (внутренний) аппарат архитектуры, сравнимый с функцией памяти, внимания и ожидания (Августин), обеспечивающий возможность устойчивого развития" (с. 12 автореферата). Заметим здесь, что т.н. "умственные функции" и соответствующие модусы времени связаны у бл. Августина с сугубо ментальными процессами и получают сугубо "психологическое" существование, в то время как в архитектуре можно видеть куда как более продвинутый способ работы со временем в объективированном выражении, т.е. вынесенном "вовне" и, тем самым, принадлежащем объективным системам культуры, знания, мышления и общественной памяти. С другой стороны, проектное мышление и связанные с ним формы воображения и рефлексии также далеко ушли от психосоматической проблематики августианианства, вряд ли способной обеспечить искомое "устойчивое развитие". И хотя автор дальше специально вводит

представления об архитектуре как процессуально-методологической системе и как о материально-пространственной системе, в каждой из которых отмечая решающее и тотальное воздействие темпоральности, анализ структуры знаний и когнитивных аспектов архитектурного самосознания всё же не стоит сводить к модели субъективной интеръеризации. В этом смысле, как адресаты отсылок, так и система дефиниций в авторских построениях могли бы быть чуть более точными.

В **третьей главе** автор излагает концепцию развёртывания фактора времени в архитектурных системах. Глава содержит критический, проблемный и теоретико-синтетический аспекты. Исходя из трактовки архитектуры как "ментально-когнитивной системы", М.Ю. Журавлев критически анализирует использование категории времени в профессиональном архитектурном знании и образовании. Он справедливо отмечает, что освоение темы времени в архитектурных текстах связано с заимствованием из естественных наук, управленческих практик и художественной деятельности. В результате бурное увлечение заимствованной категорией очередной раз закончилось лишь метафорическим её усвоением: "методики, основанные на применении временной компоненты, до сих пор остаются вне области внимания архитектора", - пишет соискатель (с. 13 автореферата). Мы сформулировали бы этот тезис жёстче: архитектура так и не выработала собственных форм теоретической, знаниевой фиксации времени, а профессиональное образование до сих пор не вышло на воспроизводимость знания о времени в архитектуре и умений работы с ним несмотря на то, что именно архитектуре принадлежит наиболее масштабный и самый древний опыт освоения, структурирования, управления временем! Этот парадокс достоин специального исследования, но нам важно, что он обозначен в оппонируемом исследовании. Автор рассматривает темпоральность архитектурного образования, нормативной документации, процесса порождения архитектурного образа, а также вполне традиционные, восходящие к Витрувию стороны создания "архитектурного объекта" - конструктивную, утилитарную, эстетическую.

В **заключении** сделаны выводы, осуществляющие поставленные задачи и являющиеся логичным завершением представленного в диссертации подхода к проблематике времени.

Научная новизна исследования и полученных результатов

К научным результатам исследования необходимо отнести:

- постановку проблематики времени на широком и противоречивом материале архитектурной деятельности, оценку степени проработанности категории времени в архитектурной теории и других формах профессиональной рефлексии и близкого к архитектуре научного, философского и, отчасти, художественного дискурса;
- авторскую систему структурирования материала анализа, позволившую систематизировать предложенные автором

представления о статусе, функциях и формах проявления времени в различных по своей природе сторонах архитектурной деятельности;

- графоаналитические модели, выражающие важнейшие идеи авторского видения исследуемой проблематики в историческом, процессуальном, материально-пространственном аспектах.

Указанные результаты исследования обладают **научной новизной и научной значимостью**.

Степень обоснованности и достоверности научных результатов, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации и выносимых на защиту

Автором проанализирован существенный корпус литературы по теме, методы анализа и структурирования материала применялись корректно, суждения строились логично и последовательно. Результаты и выводы обоснованы, опираются на достаточную научную базу.

Основные положения диссертационного исследования отражены в 15 публикациях, 5 из которых - из списка изданий, рекомендуемых ВАК России для публикации результатов квалификационных научных исследований. Отдельные положения работы докладывались автором на научно-методических семинарах и научно-практических конференциях в Самаре: СГАСУ (2009, 2010, 2014, 2015), СГМУ (2015); в Томске (2012); в Тамбове (2012) с публикацией статей в сборниках научных трудов;

Практическая значимость исследования заключается в открывающихся возможностях, требующих детальной проработки и реализации:

- возможности развития образовательных инициатив, направленных на активизацию креативных, организационных и иных ресурсов категории времени;
- возможности создания новых моделей темпорального управления проектным процессом;
- возможности создания нового класса объяснительных онтологических моделей, способных служить основанием для новых способов темпоральной рефлексии архитекторов.

Автореферат в полной мере отражает содержание основного текста диссертации, её цель и задачи, объект и предмет, выводы и результаты. Автореферат и диссертация написаны хорошим научным языком. Автор продемонстрировал эрудицию, понимание проблематики исследования, способность к анализу, структурированию и обобщению, к конструктивному оформлению результатов работы.

Замечания по диссертационному исследованию

К сожалению, к работе у оппонента есть замечания, и их немало. Часть из них высказана выше, в контексте описания работы, но ниже мы обобщим все основные замечания.

1. Различные по своей природе предметные конструкции времени, а также его метафоры, соединяются автором так, как если бы они были чем-

то единым. Предмет исследования ("закономерности проявления времени в архитектурном творчестве и в развитии архитектурного знания") содержит в себе двойственность, преодолеть которую не удаётся, поскольку исследования творчества и исследования знания имеют принципиально различную природу. Огромное количество "внутри- и межсистемных отношений" разваливает целостность предмета (что усугубляется внушительным и интересным, но чрезмерным списком задач исследования).

В самом деле, проявления времени в архитектуре и среде многообразны. Это и образная ритмика архитектурного объекта - его "временных отношений" (с. 20); это и темпоральность процессов проектирования и производства (можно бы добавить: функционирования и эксплуатации, утилизации и артификации и пр.); это и мифологический (или метафорический хотя бы) горизонт отнесений Архитектуры как древнейшей практики культа и ритуала - "вечностный" или, по А.Г. Раппапорту, вневременной горизонт (кстати, выпавший из зоны внимания автора). Есть время восприятия, отличающееся от времени творчества и времени производства (для художественной литературы дифференциалы между этими временами описал Умберто Эко). Есть время движения, и движений различных много, а уж если вспомнить о работах, посвящённых разнообразным видам мобильности и динамизма в архитектуре, то типология "времён" резко множится. Есть астрономическое и пр. физикалистское время, а есть символическое освоение времени... Есть множество описаний времени в отличающихся парадигмах. При этом разнообразии большим достижением можно было бы считать уже убедительную систематизацию представлений о времени - достижением, достаточным для кандидатской научно-квалификационной работы. М.Ю. Журавлев дал интересный набросок такой систематизации, но его вряд ли можно считать полным и системно организованным. С другой стороны, достаточным было бы и детальное рассмотрение любого из темпоральных концептов этого перечня, его подробное, систематическое и культурное описание. Автор же в большей мере увлечён новыми горизонтами, открывающимися за новым осознанием категории времени, он пишет: "Наблюдается тенденция ко всё большей подвижности материальной среды, продолжается методологический отрыв от традиций статической архитектуры, начинают преобладать проектные решения, предусматривающие трансформацию архитектурной среды, её размеров, связей, структуры и инфраструктуры" (с. 128 диссертации). Быть может, этой проблеме, этим креативным возможностям и нужно было посвятить работу, не перегружая её излишними задачами и не ослабляя концептуальный стержень?

Данное замечание, однако, нельзя отнести к уровню подготовки и способностям соискателя, равно как и к его способностям к рефлексии и самокритике, ведь в выводах он, в частности, признаёт: "Тема времени в архитектуре и отдельные связанные с ней вопросы недостаточно

проработаны и нуждаются в *дальнейшей теоретической и проектной разработке*" (там же).

2. Есть и сугубо "технические" следствия из того, что нами отмечено в первом замечании. Ведь время функционирования не тождественно времени развития, время производства - времени воспроизводства, и т.д. Не тождественно не только по количеству измеряемых единиц, но по ритмике, по природе, по тому, что А. Бергсон называл "длением" (*durée*). Поэтому выход на непосредственные рекомендации для практических сфер кажутся нам преждевременным - такие выходы возможны, они действительно начинают "просвечивать" за выводами диссертации, но они требуют серьёзной диверсификации. Поэтому, когда автор пишет в выводах: "В исследовании показана необходимость учёта фактора времени как основного структурообразующего фактора в стратегическом целеполагании, повышении эффективности деятельности и функционировании, проектировании и анализе архитектурной среды" (с. 128 диссертации) - перед нами смешение различных темпоральных ритмов и масштабов, которое вряд ли пойдёт на пользу как "стратегическому целеполаганию", так и операциональному функционированию. Другой пример: "Экономически время целесообразно рассматривать как *ресурс*, преобразуемый архитектурной средой в материальные и нематериальные *блага*", - пишет Михаил Юрьевич (там же). Но преобразование такого ресурса - сугубо производственный процесс с его собственной линейной темпоральностью, рекомендации относительно его надо обращать к деятельности, но не к среде, темпоральность которой не линейна, она значительно более разнообразна, а её культурные, социальные и прочие блага и эффекты множественны.

Оппонент выражает надежду, что указанная диверсификация будет осуществляться соискателем в его последующих работах.

3. На взгляд оппонента, в работе нет ясности с важнейшим вектором организации темпорального воображения - с тем, что уже давно назван "технологиями захвата будущего": с проектированием, прогнозированием, программированием, футурологией и пр. Несомненно, архитектурная темпоральность несводима к этому вектору, у неё, в частности, есть мощный ретроспективный (и даже ретроактивный) вектор, и в диссертации этот факт хорошо отражён. Архитектура веками не хотела иметь ничего общего с будущим, с новым; она и со временем не очень-то стремилась взаимодействовать, заставляя его отступать перед безвременностью своих пирамид. Но с экспансией проектной идеологии в профессию вектор меняется. И анализ перспективно-ориентированной темпоральности в архитектуре должен существенно отличаться от анализа традиционной архитектуры с её неспешным строительством и вечными прототипами. Проектному мышлению и проблеме времени в нем, разумеется, необходимо посвящать специальные исследования, в оппонируемой работе места для такой темы нет, но в ней необходимо было дать типологический набросок соответствующей темпоральности, не редуцируя его к

прогностике (у которой с проектированием весьма отягощённые взаимоотношения) и не сводя к универсальным архитектурным качествам. В таком наброске можно было бы различить и типологизировать по критерию времени такие разные методы, как проектирование, конструирование, программирование, прожектирование, планирование, утопическое воображение, визионерство, пророчество, грёзы... Всё это есть в архитектуре, но до сих пор мало обсуждается. Представляется, М.Ю. Журавлев способен сделать существенный вклад в прояснение данных вопросов в своих последующих трудах, опирающихся на рассматриваемую нами диссертацию. Но пока такой анализ компенсируется переизбытком иллюстративного материала по околоархитектурной футурологии в стиле фэнтези.

4. Взывает недоумение - в частности, в связи с высказанным в предыдущем замечании - обсуждение в диссертации вопросов о нормативной документации в области проектирования и строительства. У этой документации, несомненно, тоже есть своя темпоральность (как есть она и у всего вообще) и она учитывает временные нормы эвакуации, инсоляции, огнестойкости и пр., но её наличие не доказывает наличие или отсутствие каких-либо качеств в архитектурном творчестве (ведь речь идёт именно о нём), и уж тем более не отражает она "тенденции развития методологии" (с. 14 автореферата), отставая от них как минимум на поколение. Вероятно, решение о включении данного вопроса в диссертацию - одно из следствий отмеченного нами чрезмерного расширения предмета и задач исследования, а также желания высказать практически-ориентированные соображения относительно проектного процесса. По нашему убеждению, данное диссертационное исследование лишь выиграло бы, освободившись от подобных "прагматических" реверансов - его теоретическое содержание самодостаточно.

5. С большой настороженностью оппонент относится к таким часто упоминаемым в диссертации терминам, как "архитектурное творчество", "архитектурный объект", "архитектурная среда". Упоминаемым настолько часто, что автор ввёл соответствующие аббревиатуры - АТ, АО, АС, окончательно "упаковав" сложную и требующую развёрнутого обсуждения проблематику в знаки-индексы. Однако, архитектурное творчество до сих пор проблематично: где проходят его границы, сколько творчества потребно в деятельности и сколько востребуемо обществом? Что из обсуждаемого в диссертации есть, собственно, творчество, а что - совсем иное (например, всё то же функционирование и производство с их нормативными документами)? Уместно ли вообще говорить о творчестве, обсуждая изрядную долю примеров "исторического" блока диссертации? "Архитектурный объект" - проблема ещё большая, поскольку и понятие, и категория объекта ещё мало развёрнуты в архитектурной теоретической и методологической литературе, в отличие от широкой стихии употребления слова по поводу и без оногo. Достаточно сказать, что известные методологи отрицают право архитекторов и даже проектировщиков на

владение процедурой объективации! Что же касается "архитектурной среды", то это совсем уж сомнительный термин, возникший как редукция неусвоенного профессией концепта *городской среды*, не принятый вызов которого оказался слишком болезненным для архитекторского самолюбия, предпочтившего свести его к чему-то инструментально и интуитивно освоенному. Но проблемы-то остались! Поэтому оппонент и возражает против неконтролируемого, "автоматического" использования указанных терминов, хотя предложены они, разумеется, не соискателем и его вины в их концептуальной "сырости" нет. Однако заметим: "упаковка" в аббревиатуру лишает понятие должного масштаба и протяжённости, т.е. элиминирует временной компонент.

6. Наконец, можно было бы пожелать теоретической опоры в работе над диссертацией не только на труды бл. Августина или мыслителей Нового времени, но и на более актуальные философские концепции времени. В работе упомянут М. Хайдеггер, но его идеи не оказали ровно никакого влияния на содержание текста. Между тем, хайдеггерово *временение* имеет прямое отношение к феноменам архитектуры, среды, творчества и проектирования; всё ещё обладает огромным потенциалом. В диссертации почему-то не упоминается Анри Бергсон - центральный персонаж в философском осмыслении темпоральной длительности, творчества и эволюции конца XIX - начала XX в., оказавший заметное влияние на идеи авангарда и модернизма. Из более поздних можно упомянуть Поля Вирильо, активно прорабатывающего проблему времени в приложении к искусственно организованному пространству, к урбанизму и архитектуре, дизайну и рекламе. Или Жилия Делёза, без работ которого сегодня трудно говорить о пространственно-временных и образных структурах в кинематографе, сценографии, архитектурном пространстве. Ряд значимых авторов, не принятых во внимание соискателем, можно продолжить.

Оппонент выражает надежду, что М.Ю. Журавлев сумеет существенно обогатить новыми идеями и решениями тот концептуальный каркас, который задан в рассматриваемой диссертационной работе.

Как следует из сказанного выше, все указанные замечания не снижают общей положительной оценки диссертации и могут быть учтены автором при дальнейшей работе над столь обширной и многоаспектной темой.

В целом, представленное на рассмотрение диссертационное исследование М.Ю. Журавлева выполнено на современном научном уровне, грамотно и в соответствии с нормами оформлено. Исследование базируется на большом объёме источников, самостоятельный анализ которых позволил автору сформировать новое видение изучаемой темы. Работа содержит обоснованные рекомендации и выводы. В работе приведены результаты, позволяющие характеризовать её как разработку значительной научной проблемы, решение которой имеет как

теоретическое, так и практическое, в т.ч. образовательное значение.

Заключение

Диссертация Журавлева Михаила Юрьевича на тему ""Фактор времени в архитектурном творчестве", представленная на соискание ученой степени кандидата архитектуры по специальности 05.23.20 – "Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия", является законченной самостоятельной научно-квалификационной работой.

По своей актуальности, объёму выполненных исследований, научной новизне и практической значимости работа соответствует требованиям п. 9 "Положения о порядке присуждения учёных степеней", утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации от 24. 09. 2013 года № 842, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук. Её автор, Журавлев Михаил Юрьевич, достоин присуждения ему искомой степени кандидата архитектуры по специальности 05.23.20 – "Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия".

Официальный оппонент:

Зав. кафедрой Теории и практики
архитектурного проектирования
ФГБОУ ВО "Воронежский государственный
технический университет",
кандидат архитектуры, доцент

Капустин П.В.

дата: 10.03.2017

Подпись Капустина П.В. удостоверяю,
Проректор по науке и инновациям ВГТУ

Г.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
образования "Воронежский государственный технический университет"
(сокращенное название - ВГТУ)
394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84
Тел./факс: +7(473) 271 59 05, e-mail: chancellery@vgasu.vrn.ru
Каф. ТиПАП:
Тел.: +7 (473) 271 54 21
e-mail:
ap-i-g@yandex.ru
arh_project_kaf@vgasu.vrn.ru